

Анатолий Старов

ИСТИНА ГДЕ-ТО РЯДОМ

ПРОЛОГ

Венедикт, окончив седьмой класс школы, отправился на каникулы в деревню к родителям матери. Уже с первых дней пребывания Венедикт оказался втянутым в загадочную историю появления в деревне девушки. Юношу насторожил факт ее неожиданного появления в старом, давно не жилом доме его предков. По словам Василисы, она случайно увидела открытую дверь давно заброшенного дома, прогуливаясь по берегу, протекающей недалеко, реки. Но, как позднее узнал Венедикт, пройти по ее берегам практически невозможно, так как они сильно заросли деревьями и кустарниками, и никогда местными жителями для прогулок не использовались.

В тот же день выяснился факт необъяснимого исчезновения из спальни большого старинного зеркала в массивной резной раме, и таким же таинственным его возвращением на место через несколько часов.

Через сутки, пойдя с дедушкой на рыбалку, Венедикт обнаружил в реке, под невысоким деревянным пирсом, большой полиэтиленовый

пакет, используемый для сбора мусора. Когда они с дедом вытащили пакет на берег, в нем они обнаружили труп убитого старика, единственного в деревне Героя Советского Союза. И в этот же день, когда Венедикт, уставший и взбудораженный найденным в реке трупом, лег днем поспать, ему приснилась загадочная женщина, обладающая длинными распущенными черными волосами и пронзительными зелеными глазами, которая настоятельно рекомендовала ему приступить к расследованию убийства старого человека, обещая ему при необходимости оказать помощь.

Венедикт долго сомневался, сможет ли он выполнить возлагаемую на него миссию? Но так получилось, что погибший старик оказался старым фронтовым другом дедушки, и тот горел желанием по горячим следам разыскать убийцу, пока тот не скрылся из деревни. Под давлением обстоятельств, Венедикт приступил к расследованию преступления в условиях жесткого лимита времени. Всего один день у него был для розыска убийцы.

Прежде всего, необходимо было выяснить, кому была выгодна смерть одинокого старика. Опрос местных жителей не дал никакой ясности в этом вопросе. Все жители деревни с большим уважением относились к одинокому старику. Все знали, что никакого богатства у него не было, кроме полученной за героизм в годы второй

мировой войны высокой государственной награды. Казалось бы, с этой точки зрения, следствие зашло в тупик. Но основная проблема заключалась в поиске орудия убийства. Пригласив к поиску своих новых друзей и местных ребят, Венедикт отыскал орудие убийства в водах реки. Им оказался топор, топориче к которому делал его дедушка незадолго до произошедших событий одному из местных жителей. Под напором улик он признался в совершении убийства из корыстных побуждений.

Бабушка, встревоженная рассказами своего внука о его новой знакомой девушке, обратилась к местной ведьме, своей старой, еще школьной подруге. Информация, которую получила бабушка от своей подруги, шокировала ее. Оказывается, что новая знакомая внука является ведьмой и прибыла в наше время по временному порталу из другого времени при помощи зеркала.

А в октябре Венедикту вручили телеграмму, что его бабушка и дедушка погибли в автокатастрофе. У Венедикта возникает подозрение, что это была не автокатастрофа, а заранее спланированное убийство. И совершила его никто иной, а Василиса. Едва дождавшись осенних каникул, юноша отправляется в деревню, где встречается с Василисой и узнает не только причину и исполнителя убийства, но и свое предназначение в будущем.

Именно в это время у Венедикта впервые возникла мысль посвятить свою жизнь поиску тех, кто совершает убийства людей, поставив себя выше Бога.

Вернувшись из деревни, Венедикт ничего не рассказал родителям о цели своей поездки и о том, что происходило в деревне, рассудив, что родители, узнав подробности, все равно не поверят в их реальность, и только будут волноваться за его жизнь и будущее.

Венедикт блестяще сдал экзамены за восьмой класс и с удовольствием приступил к занятиям, перейдя в девятый класс.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лежа на кровати, Венедикт всем телом, каждой его клеточкой, ощущал прохладную нежность тончайшего постельного белья. Большая пуховая подушка ласково обволакивала его голову. Он возлежал на ней и с ожиданием неземного блаженства наблюдал за приближающейся к нему высокой стройной девушкой. Ее длинные черные волосы мягкими волнами струились по обнаженным плечам. «Василиса, это ты?», — пробормотал юноша во сне. Зеленые, широко распахнутые глаза девушки, смотрели на него ласково и многообещающе. Она легкой походкой

неслышно подошла к кровати, подняла длинную стройную ногу и нежно провела ею по груди, потом по животу юноши. От ее прикосновения он вздрогнул, пододвинулся на кровати, освобождая ей место.

Девушка легко, словно пушинка, потревоженная легким дуновением ветерка, взлетела над кроватью и легла рядом. Венедикт почувствовал прикосновение ее бархатистого прохладного тела. Возбуждение охватило его. Желание обладать девушкой захлестнуло его с головой, подавляя волю, безжалостно отбирая у него все чувства, кроме одного. Но какое это было чувство! Это чувство бесконечного удовольствия.

Венедикт, не в силах больше сдерживаться, властно обнял трепетное тело девушки, подмял его под себя, вошел в него мощным толчком. Несколько раз дернулся и, запрокинув высоко голову, зарычал первобытно, скрепя зубами и извергая из себя семя. Удовлетворившись, откинулся и тут же получил вполне ощутимый удар по голове.

Венедикт открыл глаза, с трудом приходя в себя. Его голова неудобно лежала на спинке кровати. Юноша зашевелился, уперся пятками в кровать, потянул свое тело вниз, положив голову на подушку, пошевелил ею со стороны в сторону, пытаясь прийти в себя от удара и такого

сладостного сна. Отбросив одеяло, с интересом посмотрел на восставшую плоть. Она дергалась, все еще извергая из себя потоки семени. Венедикт набросил на себя одеяло и закрыл глаза, пытаясь продолжить только что увиденный эротический сон. Но он почему-то не хотел возвращаться.

— «Интересно, Василиса действительно приходила ко мне во сне, или это только мои фантазии? Если это она, значит, она не оставляет меня, продолжает меня отслеживать. Это не очень хорошо. Но, с другой стороны, плохого она мне не делает, можно сказать, даже наоборот. Но какие же у нее на меня планы? Когда придет этот момент?».

Венедикт прислушался. В квартире стояла полная тишина. Он вздохнул. Снова родители уже ушли на работу, оставив его хозяйничать в квартире. Он неохотно встал и, чувствуя неприятную мокроту в трусах, отправился в ванную. Он с интересом взглянул на себя в зеркало. Перед ним был широкоплечий, уже с хорошо развитой мускулатурой, юноша. Венедикт критически осмотрел себя. Вполне красивый юноша, и девушкам он нравится. Уже шестнадцать лет исполнилось, а вот женщин он еще не познал. А плоть, его мужское начало, настойчиво требует своего. Вот и мучат по ночам эротические сны. И так почти каждую ночь.

Иногда, когда вечерами он оставался в

квартире один, он доставал мамины книги, разыскивал фотографии обнаженных женщин и удовлетворял свою похоть. А получив удовлетворение, сняв напряжение, он раскаивался, терзал себя обвинениями в нехороших поступках и давал слово этим больше не заниматься. Но на следующий день все забывалось и, безвольно покоряясь своим инстинктам, совершал то же самое, снова терзаясь раскаянием.

— А вот с этим надо срочно что-то делать. Мои друзья, по их словам и уверениям, уже все познали женщин. Один я, как малыш, эротическими снами и собственными руками удовлетворяюсь, — пробормотал Венедикт, залезая под душ.

Накануне, придя вечером со спортзала, Венедикт почувствовал себя плохо. Пришедшая неожиданно рано с работы мама, известный в городе врач-терапевт, приложила руку ко лбу и безапелляционно заявила, что у него поднялась температура, и завтра пусть он полежит в постели. Не хватало еще расхвораться в начале учебного года. Венедикт с удовольствием воспринял это указание. Ну, кто из учеников не готов лишний день поваляться дома, заняться своими любимыми делами или просто элементарно побездельничать?

Утром, оставив кучу лекарств на лечение и дав строгие указания по режиму их приема, мама ушла на работу.

Венедикт первым делом, выбросил в унитаз все таблетки, которые он должен был выпить за день по указанию мамы. Затем, приняв душ и позавтракав, Венедикт включил магнитофон, поставил кассету со своим любимым heavy metal. По квартире разнеслась громкая музыка, от которой неподготовленный слушатель вскоре впадает в ступор. Но только не он. Этой музыкой он увлекся давно и сохраняет ей свою преданность уже не первый год.

Пройдя в кухню, поставил в турке варить кофе. Вскоре по квартире разнесся аромат свежего сваренного напитка. Открыл бар и уставился на батарею стоящих бутылок с различным алкоголем. Бар у них был богатым. Отец, выезжая в бесконечные командировки на различные симпозиумы, заседания, совещания и другие мероприятия, привозил алкоголь с разных сторон света. Он ставил их в бар и благополучно забывал про них. Времени у него совсем не было пользоваться всем этим богатством. Иногда коллекцию пополняла и мама. Вылечившиеся в ее отделении пациенты в качестве благодарности преподносили ей алкоголь самых экзотических марок. Коллекция алкоголя была настолько многообразна и обширна, что родители и не замечали, что Венедикт, пользуясь случаем, попивает понемногу то известный в нашей стране

только по иностранным кинокартинам виски, то коньяк. Коньяков был большой выбор. И французский и армянский и российский.

Найдя на этот раз открытую бутылку французского коньяка, плеснул в чашку с кофе. Пригубил. По телу стало распространяться приятное тепло. В голове слегка затуманилось. Допив кофе и чувствуя легкую эйфорию, дослушал очередную композицию музыки. Выключив магнитофон, сел за письменный стол и достал учебники по своему любимому предмету — химии. Отдых отдыхом, но знания по предмету никто не отменял. Поставив на стол хрустальную пепельницу, Венедикт достал со стола пачку Marlboro. Закурив, усмехнулся, вспомнив свою первую выкуренную сигарету, предложенную Виктором Серовым. Хорошо, что родителей нет. Мать сейчас начала бы с энтузиазмом читать лекцию о вреде курения. Отец бы неодобрительно смотрел на своего отпрыска, молчаливо поддерживая жену.

Вечно он так. Из-за большой занятости всю воспитательную работу единственного сына, решение всех семейных и домашних проблем он возложил на жену. А сам, как ученый-теоретик, с интересом наблюдал за эффективностью работы жены. Иногда в редкие мгновения своей незанятости на него находило вдохновение, и он с

энтузиазмом начинал заниматься его воспитанием. Он усаживал сына в своем кабинете, в который в обычное время вход ему был запрещен, и, расхаживая по комнате большими шагами, словно он был на своей любимой кафедре, начинал хорошо поставленным голосом учить его уму разуму, вспоминая подходящие примеры из своей бурной жизни. Некоторые из его постулатов Венедикт запомнил, взял на вооружение и в дальнейшей жизни старался ими руководствоваться.

Венедикт с удовольствием рассматривал красочную пачку сигарет с верблюдом на желтом фоне пустыни. У нас таких не достать. Это отец, привез из заграницы, с очередного научного симпозиума. Друзья с завистью смотрели, когда он доставал, не спеша, из кармана очередную импортную пачку сигарет, прикуривал красивой зарубежной зажигалкой. Иногда он угощал сигаретой своего друга Сергея Уварова, с которым сидит за одной партой уж девятый год.

Докурив сигарету, Венедикт погрузился в таинственный мир химии. В квартире стояла тишина, и ничего не мешало погружаться в увлекательный и таинственный мир химических формул.

От неожиданности Венедикт вздрогнул, когда раздался громкий звонок во входную дверь. Он с неудовольствием оторвался от книги.

— Кого еще несет, не дадут позаниматься! — выругался он.

Венедикт неохотно поднялся со стула и побрел к дверям. Он щелкнул замком и распахнул дверь. Юноша опешил, когда увидел на лестничной площадке женщину, одетую в легкий халатик. Она стояла, слегка покачиваясь, и держа в опущенной руке бутылку армянского коньяка.

— Привет, сосед. А мать твоя дома?

Венедикт с любопытством рассматривал стоящую перед ним женщину. Ей было около сорока лет. Длинные черные волосы свободно струились по ее плечам, опускаясь почти до пояса. Большие зеленые глаза, подернутые легкой дымкой от выпитого алкоголя, светились необычным светом на светлом лице женщины. Даже свободный покрой обычного домашнего халата не мог скрыть стройной фигуры соседки. И малейшее ее движение демонстрировало юноше пышную грудь, тонкую талию и крутые бедра. Длинные ноги казались бесконечными, скрываясь под разрезом халата.

— «Какая шикарная женщина! Вот с кем бы потерять свою ненавистную невинность», — мелькнула в его голове мысль. Но он постарался отогнать ее и, слегка хриловатым, от возникших в его голове крамольных мыслей, голосом ответил: — Здравствуйте. Нет, мама на работе, — откровенно разглядывая тело женщины, лишь

слегка прикрытое тонкой тканью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Женщина, в свою очередь, слушая ответ, с неприкрытым интересом рассматривала широкоплечего юношу, который был на голову выше ее.

— Напомни, как тебя зовут, юноша? — поинтересовалась соседка.

— Венедикт.

— Венедикт!.. Какое у тебя красивое имя. Я тебе давно хотела об этом сказать, Венедикт. Да все случай никак не подворачивался. А меня зовут Вероникой, — кокетливо проворковала соседка слегка заплетающимся голосом.

Ее длинные пушистые ресницы, словно два опахала, опустились, прикрывая разгорающийся в глазах огонек.

— У меня сегодня день рождения, — она, покачнувшись, легким движением изящной руки отбросила, упавшие на лицо волосы, и ее глаза алчно блеснули. — А вот... Так уж получилось, что и отпраздновать не с кем. Представляешь, в день своего собственного рождения я сижу одна. Вот, хотела пригласить Елизавету Павловну. А тут такой облом! А ты не можешь оказать мне услугу и отметить это радостное событие с одинокой

женщиной?

От предложения этой зрелой женщины у Венедикта даже перехватило дыхание.

— «Вот он долгожданный момент. Неужели это может произойти?! Почему бы и нет?! Дома никого нет. Предки появятся в лучшем случае только к вечеру», — завертелось в голове юноши.

Он почувствовал, как пересохло в горле. От возможного продолжения этого неожиданного приглашения кулаки судорожно сжались, до боли впиваясь ногтями в ладони. С трудом справившись с охватившим его волнением, он с трудом сглотнул и нарочито развязным голосом проговорил:

— Почему бы и нет?! Разве может мужчина в такой знаменательный день оставлять женщину в одиночестве? Проходи, — неожиданно осмелев, предложил Венедикт, нагло переходя на «ты».

Вероника, откровенно пьяно хихикнув, бочком начала проходить мимо него, не отрывая взгляда зеленых сверкающих глаз от его смущенного лица. То ли от выпитого коньяка ее качнуло слегка, то ли специально, она уткнулась пышным бюстом в грудь молодого человека. Венедикт почувствовал, как его тело уютно проваливается между холмами Венеры, лишенными какого-либо дополнительного прикрытия, кроме тонкой ткани халата. От этого нескромного прикосновения, помутнело в голове Венедикта,

появилась слабость в ногах и он почувствовал, как в готовности восстало его естество. Вероника, качнувшись, пышными бедрами оттолкнулась от юноши, и, почувствовав, как уткнулась в ее живот восставшая плоть, бросила взгляд в низ. Увидев, вызывающе торчащие спортивные штаны юноши, усмехнулась плотоядно и, проведя своей грудью по телу юноши, вошла в комнату.

Венедикту понадобилось несколько мгновений, чтобы восстановить дыхание и успокоить свою плоть. Слегка смущенный и взволнованный от возможного события, он проводил гостью в гостиную и предложил ей сесть в кресло, а сам отправился в кухню, чтобы приготовить закуску и прихватить бокалы для коньяка.

Когда он вошел в комнату, Вероника, вольно развалившись, сидела на диване рядом с журнальным столом, который она переставила с середины комнаты. Верхние пуговицы халатика были расстегнуты. Венедикт, подойдя к столу, взглянул на ворот халата, под которым призывно колыхались полные груди. Он с трудом оторвал взгляд от этой завораживающей картины, поставил на стол тарелку с нарезанной колбасой и сыром и пару бокалов. Расставляя на столе принесенное, он заметил, как мелкой дрожью дрожат его всегда такие крепкие и надежные руки. Он пододвинул к

стола стул и сел. Вероника, бросив на него быстрый взгляд, вздохнула и слегка раздвинула ноги. Предупредительно расстегнутый снизу халатик послушно сполз с ее ног, и Венедикту открылась волнующая картина. Его взгляд скользнул по длинным ногам женщины. Он не спеша поднимался от кончиков пальцев с ухоженными ноготками, лаская нежную кожу, пока не уткнулся в пугающую и одновременно сладко манящую темноту. Вероника, понимающе улыбаясь, смотрела на взволнованного юношу.

— Венечка, садись, дорогой, рядом. Так мы будем ближе друг к другу.

Венедикт почувствовал, как ослабели его ноги, когда он подошел к женщине и почти без сил опустился на диван, коснувшись упругого бедра. Вероника, открыв бутылку, разлила коньяк по бокалам.

— Давай, Венечка, выпьем за мой день рождения, — проговорила она томным голосом и ласково посмотрела на юношу.

Они сблизили бокалы, и раздался нежный хрустальный звон. Вероника выпила коньяк и, ловко выудив сигарету из лежащей на столе пачки, прикурила, демонстративно проигнорировав закуску.

Венедикт тоже выпил и по примеру своей дамы закурил. Он почувствовал, как расслабилось

все его тело, ушло куда-то смущение, неловкость. Он ощутил себя полноценным мужчиной, способным выполнять свои обязанности. Совсем освоившись с ролью ухажера, он вновь разлил коньяк и, подняв бокал, слегка заплетающимся голосом произнес витиеватый тост в честь виновницы торжества.

Вероника, выслушав тост, хищно оскалила жемчужные зубки.

— Спасибо, Венечка! А поцелуй виновнице торжества?... — проворковала Вероника таким томным голосом, что у Венедикта перехватило дыхание.

Юноша, наклонившись к женщине, почувствовал исходящий от нее аромат, Он неловко ткнулся губами в ее соблазнительно пахнущую щеку и в испуге от своей смелости отпрянул от нее. От действий своего ухажера Вероника весело рассмеялась. Она полуобернулась к нему, обняла левой рукой за шею и притянула к себе, подставив для поцелуя свои губы.

Венедикт неумело прильнул к ее приоткрытым полным губкам, старательно вспоминая, как целуются мужчины в кинофильмах. Веронике, по-видимому, понравились его действия. Она тихо, едва слышно, застонала, чем немало обескуражила юношу, который застыл в нерешительности. А женщина, плотнее прижав его

голову к себе, приоткрыла свой рот, и ее язычок смело проник в него. Венедикт окончательно потерял над собой контроль, и его действиями стал руководить не разум, а инстинкт, первобытный инстинкт самца. Он выпрямился, нехотя прервав этот умопомрачительный поцелуй, легко поднял женщину с дивана, дрожащими от возбуждения руками расстегнул пуговицы, и халат послушно соскользнул с ее тела, обнажая ничем не прикрытую наготу.

Венедикт широко открытыми глазами откровенно рассматривал тело женщины. Впервые он видел обнаженное женское тело перед собой. И это было в реальности, а не в книгах и журналах. И эта картина была прекрасна, волнующа. Он сбросил, нет, почти сорвал с себя одежду и, бросив ее на пол, стоял перед ней, слегка расставив ноги, с напряженной, едва заметно подрагивающейся плотью, совершенно не стыдясь этого. Наоборот, в тот момент он гордился тем, что он мужчина, что сейчас он хозяин положения, и может делать что угодно с этим телом. Он поднял женщину на руки и понес к себе в спальню.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вероника томно закрыла глаза и благосклонно позволила ему распоряжаться своим телом по его

мужскому усмотрению. Он положил ее на кровать, лег рядом с нею, впиваясь в ее алые чувственные губы, послушно выполняющие его, Венедикта, волю. Одной рукой он обнял женщину за плечи, а вторая рука, словно живя своей жизнью, вдруг по-хозяйски отправилась разгуливать по телу женщины, любознательно изучая его особенности. Она не спеша прошлась по шее женщины и, не найдя ничего интересного, заслуживающего особого внимания, медленно стала опускаться ниже. Дойдя до груди, остановилась в нерешительности, но, не встречая никакого сопротивления, смело занялась тщательным их изучением, щедро одаривая их ласковыми поглаживаниями, не обижая ни одну из них своим невниманием. В полной мере поласкав упругие груди, вдоволь наигравшись затвердевшими от возбуждения сосками, опустилась вниз, прошлась неоднократно по мягкой шелковистой коже живота. Неспешно опускаясь, рука мизинцем коснулась волос таинственного черного треугольника. Замерла на мгновение, словно испугавшись своей смелости, и, решившись, не спеша коснулась упругих черных кучерявых волос. Сначала рука робко прошла по самым их кончикам, едва касаясь, а потом смело легла на них, преодолевая их слабое сопротивление. Венедикт почувствовал, как рука коснулась чего-то нежного, влажного. Он сжал ее

несильно, почувствовав, как погружаются пальцы в горячую влажную мягкость. Не сдержавшись, поднес ее, влажноватую, к лицу, втянул в себя неповторимый запах женской плоти.

Вероника застонала, на этот раз громко, не в силах сдержать переполнявшее возбуждение, дыхание ее стало глубоким. Воздух с шумом вырывался из ее бурно поднимающейся груди, приводя юношу еще в большее возбуждение. На высоком лбу бриллиантами засверкали маленькие капельки пота. Неожиданно она как-то ловко, без всяких видимых усилий, поднырнула под Венедикта, пошевелилась, укладываясь под ним удобнее. Ее руки, нежно обняв юношу за шею, взлохматили его волосы, поглаживая, прошлись по его телу, легли на его напряженные ягодицы, сжали их и почти незаметно прижали к себе. Почувствовав на лобке горячую напряженную плоть юноши, она раздвинула ноги и сделала бедрами легкое движение вверх, как бы приглашая партнера закончить прелюдию и начать главную игру. Венедикт, охотно приняв приглашение партнерши, неожиданно привычно, словно много раз проделывал это ранее, нежно вошел в нее. И поглотила их волна экстаза.

Вероника обхватила его голову левой рукой, прижала к своему плечу и замерла, тяжело дыша ему в ухо, терпеливо ожидая, когда тело юноши

успокоится и перестанет сотрясаться от сильнейшего оргазма.

Удовлетворенный Венедикт сполз с женщины и лежал на кровати, часто дыша, словно после тяжелой, изнурительной работы. Вероника, отдохнув немного, зашевелилась, подняла голову, оперла ее на руку, и начала внимательно, откровенно любуясь, рассматривать обнаженного юношу. Венедикт, смущенный ее пристальным вниманием к его телу, потянул на себя одеяло. Вероника рассмеялась над смущением юноши.

— Венедикт, тебе сколько лет?

— Шестнадцать... с половиной, — слегка запинаясь, пролепетал Венедикт.

— Твоя поправка имеет существенное значение, — усмехнулась женщина. — Стало быть, ты еще учишься? И кем ты хочешь стать после окончания школы?

— Детективом.

— Кем? — женщина в удивлении приподнялась и села на кровати, с интересом разглядывая смущенного юношу. — Детективом? Это что, ты будешь воров и убийц ловить?

— Да, буду расследовать разные преступления.

— Понятно, — красивое личико женщины исказилось то ли от удивления, то ли от удовлетворения.

Неожиданно Вероника наклонилась над Венедиктом, ее длинные волосы черным водопадом накрыли большую часть подушки, оставив свободным лишь его лицо. Белым пятном оно светилось на черном фоне. Она стала пристально смотреть ему в глаза. Вскоре, прихватив одеяло за край, начала медленно стаскивать его, обнажая тело юноши.

Венедикт хотел пошевелить рукой, схватить одеяло, чтобы прекратить процесс обнажения, но силы вдруг покинули его. Вероника, обнажив тело юноши, легла на него. Он почувствовал, как уперлись в его разгоряченное тело упругие прохладные груди женщины.

Она начала целовать его лицо, губы, потом шею и вдруг впиалась в его плечо своими маленькими острыми зубками. Венедикт застонал от неожиданной острой боли, хотел дернуться, но не смог даже шевельнуться, словно какая-то неведомая сила держала его. Как ни странно, но уже через мгновение боль исчезла и по его телу прокатилась волна неземного удовольствия.

Его губы зашевелились и он, не имея сил на крик наслаждения, в иступлении шептал «Еще, еще!». Но Вероника, слизнув язычком выступившие на плече капельки крови, облизнулась, оперлась руками о кровать у его головы, неожиданно встала на четвереньки над ним так, что ее груди оказались

перед самыми глазами Венедикта.

Юноша начал медленно, растягивая неземное наслаждение, маленькими глотками, стараясь не упустить ни единой корпускулы, втягивать в себя запах, исходящий от тела женщины. Сначала до него дошли запахи дорогих духов, но, отбросив их, проигнорировав, приняхавшись тщательнее, он уловил тончайший терпкий запах ее вспотевшего тела. Это принесло ему удовлетворение.

Но эти запахи он знал, они ему были хорошо знакомы, а он жаждал другого запаха, доселе ему неведомого, но такого желанного. Ноздри его носа затрепетали, напряглись и до него дошел, наконец, неповторимый, ни с чем несравнимый запах женской плоти. И в нем проснулся жизнеутверждающий инстинкт самца, подаренный ему в день его рождения самой природой.

Венедикт почувствовал, как прокатилась по всему телу волна возбуждения, напряглось его естество. Его с головой захлестнуло желание обнять стоящую над ним женщину, сильным рывком опрокинуть на спину, подмять под себя. Стать ее полновластным властелином, чтобы иметь власть над ним, мять ее бедра и груди железом пальцев, во всепоглощающем экстазе вжимать в нее свое тело и отдавать, отдавать, отдавать ему до бесконечности избытки мужской сексуальной энергии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Но как он не старался, его тело не подчинялось ему. Словно кто-то другой овладел им. Его сознание и его тело жили теперь по своим, одним им известным законам. А она, словно не замечая его усилий и овладевшего юношу желания, начала слегка покачивать грудями со стороны в сторону.

Венедикт, как загипнотизированный, следил за движениями сосков, поворачивая глаза в такт движению груди. Но вот они замерли неподвижно и неожиданно стали уменьшаться в размерах, словно это были не груди цветущей, полной жизненных сил женщины, а надутые детские шарики и какой-то невидимый проказник начал медленно выпускать из них воздух. Вскоре перед глазами юноши висели длинные тощие мешочки, оканчивающиеся сморщенными, словно высушенный виноград, сосками.

Венедикт, еще не успев осознать увиденного, а потому и не успев испугаться, в удивлении поднял глаза на лицо Вероники. Им овладел ужас, когда он увидел перед собой не милое лицо красивой женщины, а изборожденное глубокими морщинами лицо старой, очень старой женщины.

Ее милый аккуратный носик вытянулся, загнулся безобразным крючком вниз, нависнув надо

ртом, а ее чувственные алые губки, которые совсем недавно он целовал в таком исступлении, стали тонкими, дряблыми, синюшного цвета.

Она наклонилась над ним, открыла рот с торчащими в разные стороны, покрытыми неведомой чернотой, длинными зубами и, обдавая его запахами гнили, тлена, зашептала что-то тихим шепотом, не отрывая взгляда от его глаз. Юноша попытался отвернуться, отвести взгляд от ее светящихся странным мерцающим, неземным светом зеленых глаз, но его, такое послушное всегда тело, не хотело выполнять команды его мозга. Венедикт силился понять, что говорит женщина, но как ни старался, ничего не мог разобрать. Его веки стали свинцово тяжелыми, и, не смотря на предпринимаемые усилия, начали закрываться. Некоторое время юноша мужественно боролся со сном, но вскоре силы окончательно оставили его и он отправился в царство Морфея.

Сколько он проспал, Венедикт не знал. Время как бы перестало для него существовать. Проснулся он от какого-то хлопка. Юноша открыл глаза, приподнял голову и в удивлении огляделся. Он увидел, что лежит он на диване в гостиной. Рядом с диваном лежал упавший учебник по химии. В квартире никого не было. Стояла тишина, лишь где-то назойливо жужжала муха, громко стучась об оконное стекло.

— «Как неудобно получилось. Заснул, как мальчишка, не проводил женщину. Стыдоба, да и только», — мелькнула в его голове первая мысль.

Венедикт покосился на свое тело. Он был полностью одет.

— Что за чертовщина?! Куда делась Вероника? И вообще, что здесь произошло, почему я оказался одетым? — пробормотал Венедикт, с трудом вставая с дивана. И тут его пронзила мысль, что и встреча с прекрасной Вероникой, превратившейся в итоге в страшную старуху, и его любовные игры с опытной женщиной это лишь сон, прекрасный, желанный, незабываемый, местами жуткий, но сон. Венедикт, не сдержавшись, даже застонал от досады.

Огорченный сделанными выводами, он обошел всю квартиру. Отчаяние переполнило его, когда, заглянув к себе в спальню, он увидел аккуратно заправленную кровать, и ничто не говорило ему, что еще совсем недавно на этой кровати он, как настоящий мужчина, выполнял свой прекрасный, долгожданный долг перед природой, обладал женщиной. Значит, это был, действительно, всего лишь сон?!

Расстроенный он зашел в ванную, раздраженно сбросил с себя футболку. Нехотя, словно выполняя какой-то непонятный, но очень важный ритуал, взглянул на себя в зеркало. Его

лицо от изумления вытянулось, а рот непроизвольно открылся. На своем правом плече он увидел цепочку слегка подживших ранок от зубов Вероники. Ошеломленный Венедикт сел на край ванны, и погрузился в глубокие размышления о том, что произошло с ним совсем недавно. Так была Вероника или нет, и был, в конце концов, у него секс с женщиной, или нет!?

— «Невероятно, не могла же женщина перенести меня на диван, убрать все следы своего пребывания и исчезнуть в никуда, как утренний туман? Или это была не женщина, а кто-то другой? Но кто?», — терзали Венедикта мысли. Сама ситуация подсказывала ему ответ. Но он даже боялся думать об этом.

Его размышления вскоре прервала пришедшая с работы мать, специально вернувшаяся пораньше, чтобы полечить неожиданно заболевшего сына. Раздеваясь, она тревожно спросила сына:

— Венедикт, ты как себя чувствуешь?

— Нормально, а чего ты спрашиваешь?

Мать в изумлении взглянула на сына.

— У тебя утром была повышенная температура. И ты что-то выглядишь сейчас каким-то встревоженным. Что-нибудь случилось?

— А, температура! Да нет у меня температуры. Я принимал лекарства, которые ты мне дала, и твои чудодейственные таблеточки

совершили чудо, и я чувствую себя совершенно здоровым, — Венедикт специально много говорил, чтобы отвлечь мать от второго, такого неудобного, вопроса, на который он и сам не знал ответа.

Мать подошла к сыну, приподнялась на носки, и, не достав до головы своего отпрыска, рукой наклонила голову юноши и губами прислонилась ко лбу.

— Действительно, сейчас температуры нет. Видно, вчера ты переутомился в спортивном зале. Венедикт, ты бы хоть немного следил за своим здоровьем. Ты же видишь, нам с отцом совершенно некогда. А ты у нас уже взрослый. Хорошо, иди, вымой руки, сейчас будем ужинать.

Они сидели на кухне, вдвоем ужинали и говорили о всяких пустяках. Как же ценил Венедикт эти редкие беседы с родителями, и, как жаль, что эти минуты общения так редки.

— Мам, а кто у нас соседи? — наконец решился спросить Венедикт, изобразив на своем лице мину полнейшего безразличия и старательно избегая пристального взгляда матери.

— А чего ты вдруг заинтересовался соседями? — удивленно спросила мать.

— Живем как-то обособленно от всех. Столько лет мы живем в этом доме, а я никого из соседей не знаю, даже по лестничной площадке.

— Хм, ты, Венедикт, прав. Время сейчас

какое-то суетливое. Все заняты собой, добыванием денег, с соседями не общаются. Или общаются очень мало. Но нашу лестничную площадку я знаю. Справа от нас живет молодая семья. У них маленький ребенок. Девочке что-то месяца два. А слева пожилая пара. Им уже за семьдесят где-то. Живут одни. Дети разбежались по всей стране. Вот и доживают свой век старики в одиночестве.

— Понятно. Спасибо, мамуля за ликбез. Ладно, пошел я позанимаюсь немного. Спасибо за ужин. Все было очень вкусно.

Разложив на столе учебники, Венедикт задумался.

— «Странно, Вероника сказала, что она наша соседка. А никого подходящего по ее возрасту среди наших соседей нет. Надо будет у консьержа спросить, есть ли в нашем подъезде женщина по имени Вероника», — решил Венедикт и углубился в учебники.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро Венедикт, проходя мимо консьержа, вспомнил о своем решении.

— Доброе утро, Константин Валентинович! Скажите, пожалуйста, у нас в подъезде есть хоть одна женщина по имени Вероника? — спросил он, подходя к пожилому мужчине, сидящему за

стеклянной перегородкой.

Консьерж, приподняв с носа очки, с интересом посмотрел на юношу.

— А зачем вам это надо знать, молодой человек?

— Имя достаточно редкое. Я со своим другом поспорил, что в нашем подъезде нет женщин по имени Вероника, а он утверждает, что есть. Будто он даже знаком с ней.

Старик заулыбался.

— Сынок, считай, что ты выиграл пари. У нас в подъезде нет жильцов с таким именем.

— Это точно?

Старик обиженно поджал губы.

— Я здесь уж лет десять работаю. Что я жильцов своих не знаю? Так что ты выиграл пари, а дружок твой что-то путает или просто врет.

— Отлично! Значит, сегодня после занятий пойдем пропивать проигранное дружком пиво.

Венедикт выскочил из подъезда. Дорога в школу была полностью занята размышлениями о том, кто такая таинственная соседка Вероника, которая, как оказалось совсем не соседка, с которой он вчера потерял свою невинность. А то, что женщина была, Венедикт не сомневался. И доказательство тому следы укуса на его плече. Но неужели судьба снова свела его с ведьмами? Как тогда в деревне, после седьмого класса. И не

Василиса ли с ним в прядки играет?

Венедикт так увлекся своими рассуждениями и воспоминаниями, что совершенно не обращал ни на кого внимания. Вдруг сзади кто-то похлопал его по плечу. Венедикт от неожиданности остановился, резко обернулся, готовый отразить любое нападение. Перед ним стоял его друг Сергей Уваров.

— Венедикт, ты о чем так глубокомысленно размышляешь? Я тебя несколько раз окликнул, чтобы ты меня подождал. Но ты так погружен в свои мысли, что ничего вокруг не слышишь и не замечаешь. Пришлось мне тебя догонять. Даже вспотел.

— Да есть у меня одна проблемка. Вот только говорить о ней мне что-то не хочется.

— Не хочется и не надо, — обиженно проговорил Сергей, подстраиваясь под темп движения друга. — Ты достал группу MERCIFUL FATE?

— Нет, Сергей. Что-то времени на все не хватает. А ты?

— А я достал! — произнес Сергей, поглядывая на Венедикта с плохо скрываемой гордостью.

Венедикт огорченно вздохнул.

— Завидую. Дашь послушать?

— Я ее сам еще не слушал. Вчера только мне

принесли. После того, как послушаю, конечно, дам тебе. А ты чего вчера в школе не был?

— Да приболел маленько. Целый день с температурой валялся. Кучу лекарств выпил. Зато сегодня здоров, как бык.

Так за разговорами друзья вошли в класс.

Прозвенел звонок. Скрипнула входная дверь. В класс вошел учитель биологии Станислав Викторович Воронецкий, мужчина высокий, по-военному подтянутый, как всегда в строгом черном костюме. Волосы, уже изрядно тронутые сединой аккуратно зачесаны назад. Голубые глаза доброжелательно глядели на мир сквозь толстые стекла очков. Шум в помещении постепенно стихал.

Поздоровавшись с учениками, Станислав Викторович махнул рукой, разрешая ученикам сесть и, подождав пока затихнет шум передвигаемых стульев, приступил к изложению очередного учебного материала.

Венедикт несколько минут внимательно слушал учителя. Потом ему надоело слушать о сообществе живых организмов и связанных с ним совокупностей абиотических факторов среды, и он откровенно заскучал. Он вспомнил, что прихватил из дома очередной детективный роман, который он начал читать вчера вечером перед сном. Тщательно стараясь не производить шума и не привлекать к

себе внимания учителя, достал книгу из портфеля. Он положил книгу на колени и осторожно зашуршал страницами в поисках нужной.

— «Чепуха это, а не наука. Мне, как будущему детективу, эта биология и на фик не нужна» — подумал Венедикт.

Наконец нужная страница была найдена, и будущий детектив углубился в перипетии очередного расследования книжного героя-детектива.

«Торопливо пройдя по коридору и нигде не видя женщины, я подошел к черному ходу и выглянул наружу. Вряд ли Эдди догадался оставить кого-нибудь на всякий пожарный, но излишняя предосторожность не помешает. Убедившись, что возле дома ни души, я...»

— Струкачев, может, ты ответишь на этот вопрос? — донеслось до Венедикта как сквозь туман.

Венедикт неохотно возвращался в действительность. Он закрыл книгу, отработанным движением бросил ее в открытый портфель. Медленно, стараясь потянуть время, поднялся и беспомощно оглянулся. Класс замер, ожидая ответа на вопрос учителя. Ожидание несколько затянулось.

Венедикт под столом лягнул своего соседа Сергея, взывая о помощи.

— Биогеоценоз — это совокупность... — прикрывшись учебником, зашептал сосед.

— «Что это еще за биогео?...» — заметалась в голове Венедикта мысль.

Учитель с усмешкой смотрел на растерянного ученика. Он, не спеша, подошел к столу Венедикта и, наклонившись, ловко вытащил из портфеля книгу.

— Так-так, Струкачев, детективы изволите почитать на уроке, — с иронией говорил учитель, перелистывая книгу. — Ну, что ж? Детективы — это дело занимательное. Но сейчас, насколько я понимаю, у нас урок биологии. Книгу я у тебя временно конфисковываю. Давай-ка, дружок, дневник. За знания по моему предмету я, пожалуй, поставлю тебе двойку. А после уроков зайди-ка ты ко мне в учительскую.

Расстроенный Венедикт сел, раздосадовано бросив на стол дневник с жирной двойкой.

— «Вот зануда, двойку поставил! С каким удовольствием он красной пастой эту пару выводил, почти на две строки. Еще после уроков мозги начнет промывать! Что за невезение сегодня?!».

После уроков Венедикт, выкурив в туалете сигарету, чтобы немного успокоить нервы, неохотно отправился в учительскую. Станислав Викторович сидел за столом и внимательно читал

отобранную у него книгу.

— А, Струкачев. Проходи, проходи. Смелее. Я не собираюсь тебя терзать или устраивать какую другую страшную экзекуцию. Вот, садись на этот стул, рядом со мной.

Венедикт сел на указанный стул и замер в ожидании.

— Ну, Струкачев, я слушаю тебя внимательно.

— А чего говорить-то?

— Расскажи, почему не изучаешь биологию? — Станислав Викторович открыл журнал, полистал, разыскивая нужную страницу. — Вот, две недели назад по моему предмету у тебя стоит тройка. И ту, если помнишь, я тебе поставил в долг. За восьмой класс годовая тоже была тройка. И при таких печальных достижениях на моих уроках ты детективы читаешь? Я ведь давно это заметил. Тебе что, не интересен этот замечательный предмет?

Венедикт засопел, наклонив голову, чтобы не видеть осуждающего взгляда учителя.

— Не интересен, стало быть, тебе предмет. А почему, позволь узнать?

Венедикт заерзал на стуле, не зная, стоит ли говорить учителю о своих планах.

Станислав Викторович с улыбкой рассматривал ученика.

— Я сейчас выскажу свою догадку. Если я ошибусь, ты поправь меня, пожалуйста. Даже элементарный анализ позволяет мне сделать вывод о том, что ты всерьез увлекся детективным жанром, мечтаешь, стало быть, стать сыщиком, когда вырастешь. И изучение биологии, ну никак, не вписывается в твою концепцию. Я прав?

Венедикт снова заерзал на стуле.

— Значит я прав, — утвердительно сказал Станислав Викторович удовлетворенно. — А скажи, друг мой любезный, ты много прочитал детективных книжек?

— Много, — пробормотал юноша и исподлобья посмотрел на учителя.

— Ну, если ты прочитал много детективов, ты, вероятно, обратил внимание, что очень многие убийства совершаются с применением ядов. Да и история знает немало примеров применения ядов для устранения нежелательных личностей. Ты, конечно, знаешь кто такой Фридрих Шиллер?

Венедикт неуверенно кивнул головой в знак согласия, хотя имел об этой личности весьма поверхностные знания.

— Так вот, — Станислав Викторович дипломатично не стал выяснять степень знания ученика об этом историческом персонаже, а просто продолжил свою речь, — согласно официальной версии 9 мая 1805 года он скончался якобы от

туберкулеза. Только в наши дни в результате проведенных исследований было доказано, что он был отравлен ядом лейб-медиком Хушке по указанию герцога Карла Августа. А ядом, используемым палачом, был аконит. Сей яд — весьма необычен. Впервые официально он был получен известным в те времена фармацевтом Филиппом Гайгером из растения с одноименным названием через несколько лет после смерти Шиллера. Но добывали его и использовали задолго до этой даты, так называемые ликвидаторы, работающие на тайные ордена и общества. Его латинское название *aconiton*, а в народе он известен как «прострел трава», «венерина колесница», «волкобой». Можно привести еще много исторических примеров использования ядов для устранения неудобных личностей, но на первый раз, я думаю, хватит.

Конечно, подробным изучением ядов занимается специальный раздел биологии, но не зная основы жизни растений, их особенности, ореол распространения, их место в окружающем мире... Согласись, для хорошего специалиста это не серьезно.

Венедикт уже совсем забыл о своем сомнении. Приоткрыв рот, он внимательно слушал учителя.

— Изучение биологии, химии, физики, математики просто необходимы в деятельности

хорошего криминалиста. Конечно, если ты хочешь просиживать штаны где-нибудь в управлении, тогда...

Венедикт энергично закивал головой в знак несогласия.

— Нет, я хочу быть настоящим детективом, расследовать всякие запутанные убийства и другие преступления. Я недавно через одного знакомого достал учебник криминалистики. Вот это очень интересная книга!

Станислав Викторович с улыбкой смотрел на взволнованного ученика.

— Хорошо! Давай договоримся с тобой. Ты с сегодняшнего дня всерьез начинаешь изучать биологию. Если будут какие-то затруднения, не стесняйся, обращайся. Я всегда тебе помогу. И вот еще что. Когда я был студентом, всерьез увлекался ядовитыми растениями. А точнее ядами, получаемыми из растений. У меня даже собрана небольшая библиотека по ним. Если тебе это интересно, приходи ко мне домой. Сегодня я занят. У меня целый день занятия. А вот, скажем, — Станислав Викторович полистал лежащую на столе толстую тетрадь, — завтра я буду целый день свободен. После занятий. Сможешь придти?

Венедикт, взволнованный, вскочил со стула.

— Я обязательно к вам приду. А двойку сегодняшнюю я исправлю, не сомневайтесь.

— Я и не сомневаюсь. Я вижу, парень ты серьезный, и действительно хочешь стать хорошим детективом. А чтобы стать им, нужны знания. И знания в самых разных областях. А для этого нужно больше читать. Читать дополнительную литературу и специальную и художественную. Только так можно стать профессионалом с большой буквы.

В коридоре раздался пронзительный звонок на очередной урок.

— А теперь ступай, у меня сейчас урок. Да, книгу-то забери! Мне она ни к чему. Я ее уже читал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Венедикт с нетерпением ждал окончания занятий. На все вопросы Сергея о причине его нервозности, только отмахивался и загадочно молчал, чем еще больше разжигал любопытство друга. Едва прозвенел последний звонок, он вскочил и стремглав выскочил из помещения.

Почти всю дорогу до дома Воронежского, Венедикт бежал легкой рысцой. Добежав до нужного адреса, остановился в нерешительности у небольшого частного домика с ухоженным палисадником. Долго стоял, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь постучать в калитку. Решившись, негромко стукнул. Хоть он и не громко стукнул, но

дверь сразу распахнулась. Словно Станислав Викторович стоял все это время за дверью и с нетерпением ждал своего гостя.

Воронецкий пригласил его пройти в дом и зашагал перед ним на правах хозяина. На крыльце он остановился, распахнул дверь и сделал пригласительный жест. Венедикт с некоторой робостью ступил в жилище учителя. В его воображении учитель — это человек особый, практически небожитель, которому неведомы заботы простых людей и живет он не так, как простые смертные и питается экзотической небесной пищей. А тут, стоит перед ним пожилой человек, одетый в старый спортивный костюм с пузырями на коленях, в домашних тапочках на босу ногу. И в комнате очень вкусно пахнет жареной картошкой и еще чем-то. А чем, и не разобраться сразу.

Венедикт несколько смущенно смотрел на него в непривычном одеянии. Заметив замешательство своего гостя, мужчина весело рассмеялся. Понял в чем причина замешательства.

— Ты что же думаешь, я в костюме и дома хожу? Да нет, дружок. Я такой же человек, как и все смертные. Дома я хожу, в чем хочу. Это в школе я должен соответствовать высокому званию учителя. А здесь я расслабляюсь. И открою тебе страшную тайну, ем я такую же пищу, что и все

смертные. Не смущайся, Венедикт. Я и сам в твои годы считал, что учителя какие-то особенные люди.

Станислав Викторович похлопал одобряюще по плечу.

— Проходи, Венедикт, в мое скромное жилище. Я сейчас картошку дожарю, она уже почти готова. Не сомневайся, это одно из блюд, которое я умею хорошо готовить. Мы поужинаем, а потом займемся делом.

— Ну что вы! Спасибо! Я не хочу есть.

— И слышать ничего не хочу. Ты еще молодой. Тебе нужно расти. А домой, судя по твоему виду, ты еще не заходил. А следовательно, ты голоден. Я в твои годы постоянно есть хотел. Правда и время тогда было несколько иным. Поскучай недолго, я быстро.

В ожидании ужина Венедикт подошел к стене, увешанной фотографиями. Здесь были и старые фотографии, слегка пожелтевшие от времени, и совсем свежие. На одной из пожелтевших фотографий его внимание привлек вид молодого бравого офицера с четырьмя маленькими звездочками на погонах. Он был сфотографирован на фоне боевого самолета. Что-то неуловимо знакомое было в облике этого человека.

Он вздрогнул от неожиданности, когда за спиной услышал голос старого учителя.

— Это я в 1944 году рядом со своим боевым

другом.

— Вы что воевали и летчиком были? — Венедикт недоверчиво посмотрел на тощую фигуру учителя.

Учитель, услышав сомнение в его голосе, тяжело вздохнул.

— Не сомневайся Венедикт. Это — я. Я не всегда был таким, каким ты видишь меня сейчас. Был когда-то и я молодым и здоровым. В годы войны я был летчиком. Вскоре после того, как одним заезжим фотокорреспондентом была сделана эта фотография, в воздушном бою с фашистскими летчиками мой самолет был подбит. Я был тяжело ранен, но мне удалось катапультироваться. Перенес несколько операций. Лишился половины желудка. Много времени провалялся по госпиталям. — Станислав Викторович взял со стола вскрытую пачку папирос. Достал одну, дунул в нее. Да видать сильно. Вылетевший табак веером разлетелся по комнате. Старый учитель, не обращая на этот досадный факт внимания, достал другую, долго разминал ее, не замечая, что из нее сыпется табак на его грудь. Прикурил от спички слегка дрожащими руками. — Выписали меня из госпиталя уже перед самым окончанием войны. На фронт я уже не попал и по ранению был списан с авиации вчистую. А мой боевой друг где-то лежит, гниет в белорусских лесах. Ну да ладно. — Учитель

положил руку на плечо Венедикта. — Чего теперь вспоминать о давно минувших днях? Пошли ужинать. А то от голода помрешь, чего доброго.

Венедикт совсем по-другому стал смотреть на этого худого, по-военному подтянутого, пожилого мужчину. Героическое прошлое учителя кардинально поменяло его мнение о нем.

— А Вы что, один живете? — спросил Венедикт, едва ворочая зыком в набитом вкусной картошкой рту.

— Да, Венедикт, — грустно ответил Станислав Викторович. — Сейчас я живу один. Моя жена, которую я очень уважал и любил, умерла три года назад. А дети повзростали, разбежались по всей стране. Но иногда меня навещают. Жаль только, что редко. Да я понимаю. У каждого своя жизнь, свои заботы. У меня уже и два внука есть, — с гордостью проговорил мужчина, вскакивая и подбегая к стене. — Вот, полюбуйся, какие красавцы.

Венедикт посмотрел на указанную фотографию. На ней были сфотографированы два подростка, стоящие рядом со Станиславом Викторовичем. Одному было лет тринадцать, второму — едва ли пять исполнилось.

— Эта фотография была сделана уже давно. Старшенький, Сергей, сейчас учится в педагогическом институте на втором курсе, решил

пойти по моим стопам. А младшему сейчас четырнадцать. Летчиком мечтает стать. Можно сказать тоже идет по моим стопам. Впрочем, кем они станут не столь уж и важно. Я так считаю, что самое главное в жизни — быть хорошим человеком и любить дело, которым ты занимаешься.

Покончив с недолгим ужином, Станислав Викторович быстро вымыл тарелки, начисто вытер стол.

— Оставим лирику на потом. Давай-ка лучше займемся с тобой делом.

Подойдя к высокому книжному шкафу, открыл застекленную дверцу и, привычным движением поправив на носу сползшие с переносицы очки, начал просматривать корешки.

— Ага, вот они где! На самой верхней полке оказались, — как бы оправдываясь, проговорил Воронецкий. — Я их столько раз перечитывал, что кажется, знаю их уже наизусть. Давно ими не пользуюсь. Все сведения из них храню в своей голове. — Станислав Викторович легко постучал себя по виску. — Вот они постепенно и перекечевали на верхнюю полку. Венедикт, ты немного моложе меня, и здоровее, не сможешь их достать?

— Конечно, Станислав Викторович. Нет проблем.

— Сейчас мы придумаем, на что тебе встать,

чтобы, ни дай господь, не упасть.

Станислав Викторович оглянулся в поисках подходящего предмета. Его взгляд наткнулся на табурет. Он взял его в руки, критически осмотрел и, найдя его достаточно надежным, поставил около шкафа. Похлопал по нему ладонью, пошатал, чтобы убедиться в его устойчивости.

— Ну, вот, Венедикт. Можно теперь и забираться на него.

Венедикт задрал ногу и поставил ее на табурет. Станислав Викторович взял его под руки для подстраховки.

— Станислав Викторович, ну что вы. Что я маленький что ли? Можно подумать, что я первый раз на табурет становлюсь, — с долей обиды проговорил Венедикт.

— Ничего-ничего, это я так для страховки. Если ты упадешь и ушибешься, я буду чувствовать себя виноватым, — попытался оправдаться старый учитель. Но руку Венедикта отпустил и, отойдя на шаг, замер, раскрыв объятия.

Венедикт усмехнулся и ловко вскочил на табурет.

— Станислав Викторович, а можно попросить у вас тряпку какую-нибудь?

— Зачем тебе тряпка? — удивленно спросил учитель.

— Тут паук сплел огромную сеть, и сам